

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-2-403-418>

Научная статья

Лишение свободы и организация труда заключенных в скандинавских странах

Д.А. Добряков

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация
den-dobryakov@yandex.ru

Аннотация. Развитие общества и доминирующих в нем представлений о гуманизме и правах человека требует совершенствования правового регулирования различных областей общественных отношений. Не обходит эта необходимость стороной и вопросы уголовного наказания, процесса и условий его исполнения, среди которых одно из ключевых мест занимает труд осужденных. Настоящая статья посвящена анализу североευропейского опыта организации уголовно-исполнительных систем и, в частности, труда лиц, осужденных к лишению свободы. Помимо прочего, рассматриваются вопросы задач привлечения заключенных к труду, обязательности такого труда и альтернативных видов деятельности заключенных, оснований и порядка оплаты выполняемой ими работы. Кроме собственно скандинавских стран (Швеции, Дании и Норвегии) внимание уделяется также опыту близкой к ним Финляндии. Анализ зарубежного опыта в данной статье осуществляется в контексте проблем, существующих в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации. Формулируемые выводы могут иметь значение для последующих научных исследований, а также совершенствования российского законодательства и правоприменительной практики в части исполнения наказания в виде лишения свободы и организации труда осужденных.

Ключевые слова: труд осужденных, лишение свободы, уголовное наказание, уголовно-исполнительная система, уголовно-исполнительная политика

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Дата поступления в редакцию: 21 декабря 2021 г.

Дата принятия к печати: 15 апреля 2022 г.

© Добряков Д.А., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

Для цитирования:

Добряков Д.А. Лишение свободы и организация труда заключенных в скандинавских странах // RUDN Journal of Law. 2022. Т. 26. № 2. С. 403—418. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-2-403-418>

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-2-403-418>

Research Article

Imprisonment and organization of prison labor in Scandinavian states

Denis A. Dobryakov

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), *Moscow, Russian Federation*
 den-dobryakov@yandex.ru

Abstract. The development of society and dominant ideas about humanism and human rights require actualization of the legal regulation of various areas of social relations. It also involves the issues of criminal punishment, process and conditions of its execution, and the prison labor of convicts. This article is devoted to the analysis of the Northern Europe states' experience of penal systems organization and especially conditions of the imprisoned persons' labor. The issues of convicts' recruitment goals, mandatory nature of their labor and alternative types of activities, grounds and procedure for remuneration of the work they perform are in the focus. In addition to the "traditional" Scandinavian states (Sweden, Denmark, and Norway), attention is also paid to the experience of Finland, which is close to the above states in many ways. The analysis of foreign practices is carried out in the context of problems existing in the penitentiary system of the Russian Federation. The results and formulated conclusions may be useful for subsequent scientific research, as well as revising Russian legislation and law enforcement practice connected with prison sentences execution and labor administering.

Key words: labor of convicts, imprisonment, criminal punishment, penitentiary system, penal policy

Conflicts of interest. The author declares no conflict of interest.

Article received 21st December 2021

Article accepted 15th April 2022

For citation:

Dobryakov, D.A. (2022) Imprisonment and organization of prison labor in Scandinavian states. *RUDN Journal of Law*. 26 (2), 403—418. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-2-403-418>

Введение

Привлечение осужденных к труду при отбывании ими наказания в виде лишения свободы является одним из основных способов организации их досуга и важным средством созидательного воздействия со стороны государства. Российский законодатель относит общественно полезный труд к числу так называемых средств исправления, т.е. мер, которые государство реализует при исполнении

уголовного наказания в целях исправления осужденного (формирования у него уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирования правопослушного поведения; ч. 1, 2 ст. 9 УИК РФ). В целом, аналогичное пусть обычно и не столь детально формализованное отношение к труду осужденных распространено и в других странах (там задачами наказания и, следовательно, труда осужденных могут провозглашаться реабилитация осужденного, его ресоциализация, реинтеграция и проч.). Например, в Швеции наказание в виде лишения свободы регламентируется и исполняется таким образом, чтобы содействовать последующей социальной адаптации осужденного, нейтрализовать негативные последствия пребывания в изоляции, а также предотвратить рецидив преступления (§ 5 главы 1 Закона Швеции от 10.06.2010 № 610 «О тюрьмах»¹), что вполне применимо и ко всем мерам, реализуемым в процессе исполнения наказания, включая труд осужденных.

Следует подчеркнуть, что всякий труд человека, не выходящий за рамки закона (кто-то наверняка назвал бы трудом также кустарное изготовление оружия или ювелирных изделий без лицензии), по сути своей является общественно полезным, поскольку он обеспечивает жизнедеятельность общества и человека материальными, культурными и духовными ценностями. Это распространяется и на трудовую деятельность осужденных (Raskevich, 2010:77), если она осуществляется ими на основании приговора суда, а не по произвольному желанию неуполномоченных на то должностных или частных лиц, и подчиняется общим трудовым правилам, установленным в конкретном государстве.

При этом для труда осужденных важно то, что свободным людям в их свободном же труде часто не нравится — он должен быть достаточно продолжительным для ежедневного заполнения нормального рабочего дня, чтобы снизить риск усугубления криминализации осужденных, которая имеет место при их неконтролируемом общении друг с другом. Развитая криминальная субкультура, процветающая в российских исправительных учреждениях, является одним из основных факторов взаимной криминализации отдельных групп населения (к числу которых относятся не только осужденные, но и, например, подростки, что имеет место за счет распространения элементов данной субкультуры в повседневной жизни вне пределов уголовно-исполнительной системы (Denisovich, 2014:62—63)), практически неизбежно накладывает свой отпечаток на лиц, отбывающих лишение свободы и в целом рассматривается как одна из угроз национальной безопасности Российской Федерации (Voronov, 2021:67—72). Государство едва ли способно обеспечить круглосуточное наблюдение за поведением каждого из примерно 359 тыс. заключенных (данные ФСИН России по состоянию на 1 ноября 2021 года²), но их привлечение к труду, когда они организованно направляются на работу и в течение нескольких часов более или менее интенсивно трудятся в производственном комплексе исправительного

¹ Fängelselag (2010:610) // Dokument & lagar, Sveriges Riksdag, Available at: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/fangelselag-2010610_sfs-2010-610 (дата обращения: 10.12.2021).

² Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Федеральная служба исполнения наказаний. Режим доступа: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 17.12.2021).

учреждения (а не учат «воровской жаргон» и принципы асоциального бытия, определяя свое место в преступном мире), позволяет гарантированно занять хотя бы часть их времени чем-то полезным для них и общества.

В советской России труд осужденных долго воспринимался государством в качестве ресурса, пригодного для решения стоящих перед обществом экономических задач (здесь можно упомянуть индустриализацию, строительство Байкало-Амурской магистрали, освоение удаленных районов страны и прочие масштабные проекты). Конечно, подобный подход имел распространение не только в советской России и не только в России вообще (запрет рабства не отменил потребность государства в дешевой и даже практически бесплатной рабочей силе, которой иногда становились осужденные (Smykalin, 1998:14)). Тем не менее потребность в привлечении сотен тысяч осужденных к труду в исправительных учреждениях обусловила их лагерную организацию, которая достигла пика своего развития именно в Советском Союзе и сохраняется в современной Российской Федерации в виде колоний различных типов, тогда как, например, западноевропейские исправительные учреждения, перед которыми не ставилась задача обеспечения массового содержания заключенных, в основном представлены тюрьмами (Utkin, 2015:81).

Советские и российские исправительные учреждения подобно всей национальной системе уголовной репрессии прошли сложный путь эволюционного развития. В настоящее время очевидны результаты гуманизации их функционирования, сокращение «тюремного населения» и прочие позитивные процессы, происходящие в уголовно-исполнительной системе. В то же время исполнение наказаний (а равно и основания их применения) и сейчас вызывают многочисленные вопросы и вполне справедливую критику. Здесь нельзя не упомянуть доходящие до сведения общественности инциденты с необоснованным применением насилия в отношении осужденных и прочие одиозные нарушения закона и прав человека, требующие пристального внимания со стороны государства и научного сообщества, поскольку они — даже при их опровержении со стороны компетентных органов власти — провоцируют кризис доверия к государственной уголовно-исполнительной политике и подрывают легитимность действий в сфере охраны правопорядка.

Есть и менее «публичные» (а заодно лишённые политической подоплеки) проблемы, которые также существенным образом отражаются на эффективности национальной уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. В частности, современное состояние организации труда осужденных в российских исправительных учреждениях как бы обесценивает значение соответствующего средства исправления. Это обусловлено тем, что трудом обеспечено лишь около 40 % из осужденных, обязанных трудиться (т.е. не имеющих оснований для освобождения от данной обязанности в силу инвалидности или иных причин; в целом, в соответствии с ч. 1 ст. 103 УИК РФ «каждый осужденный к лишению свободы обязан трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией исправительных учреждений»), а следовательно обязательный для всех осужденных труд фактически не имеет для большинства из них никакого практического значения ни в организации досуга, ни в развитии профессиональных навыков и компетенций, необходимых для успешной социальной адаптации осужденных

после отбытия наказания. Впрочем, в сравнении с 2015 годом, когда к работам было привлечено лишь около 20 % осужденных, ситуация существенно улучшилась.

Кроме того, оплата труда осужденных оказывается настолько мала, что в большинстве случаев не имеет для них мотивационного значения (Gamanenko, Kuznetsov, 2015:127). С одной стороны, виной тому удержания, которые производятся из доходов осужденных для возмещения издержек государства на их содержание, выплаты компенсаций и прочих обязательных платежей (в соответствии с ч. 3 ст. 107 УИК РФ на лицевой счет осужденных должно зачисляться независимо от всех удержаний не менее 25 % начисленной им заработной платы или иных доходов). С другой стороны, даже без удержаний заработная плата осужденного за работу во время отбывания наказания была бы невелика в силу ее исчисления исходя из минимального размера оплаты труда (ч. 2 ст. 105 УИК РФ), который в Российской Федерации с 1 января 2022 года установлен в размере всего около 14 тыс. рублей (ст. 1 Федерального закона от 19 июня 2000 г. № 82-ФЗ «О минимальном размере оплаты труда» (в ред. Федерального закона от 6 декабря 2021 г. № 406-ФЗ)).

Ситуация усугубляется тем, что преступления в Российской Федерации в целом раскрываются лишь примерно в половине случаев (а с учетом латентности — и того меньше; например, в 2020 году было зарегистрировано 2044,2 тыс. преступлений, а раскрыто (из тех, что в течение указанного года находились в производстве) 1031,9 тыс.³), в связи с чем потенциальный преступник может рассматривать уголовное наказание в качестве «вероятности неблагоприятного исхода» своего деяния, т.е. риска, а не неизбежности (как того требует идея неотвратимости наказания), и потому может предпочесть совершение преступления в целях собственного обогащения (здесь следует отметить, что в России более половины зарегистрированных преступлений составляют хищения — корыстные посягательства на собственность) законопослушному труду за скромное вознаграждение.

В контексте изложенного уместно задаться одним из двух классических вопросов — что же, собственно, делать (другой классический вопрос, а именно «кто виноват», здесь представляется несвоевременным)? Но прежде, чем придумывать собственное уникальное решение (которое с определенной долей вероятности может оказаться «велосипедом»), следует, как представляется, обратиться к зарубежному опыту и поискать в нем намеки или даже готовые ответы, требующие лишь интерпретации в контексте местных условий.

Особенно привлекателен в этой связи опыт скандинавских стран, где труд осужденных, помимо прочего, является одним из факультативных способов организации их досуга (а не входит в число равнообязательных к применению средств исправления, как это имеет место в России в соответствии с УИК РФ (Seliverstov, 2016:197—198)) и назначается только тогда, когда это требуется для наиболее эффективного «исправления» конкретного осужденного. Регламентация тюремного труда в этих странах имеет и другие интересные для исследования черты, но это же относится и к самим скандинавским уголовно-исполнительным системам и условиям их развития, поэтому обо всем по порядку.

³ Состояние преступности в России за январь-декабрь 2020 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации. Режим доступа: <https://media.mvd.ru/files/application/2041459> (дата обращения: 17.12.2021).

Общая характеристика уголовно-исполнительных систем скандинавских стран

К числу скандинавских стран традиционно относят государства Северной Европы, расположенные на Скандинавском полуострове, полуострове Ютландия и прилегающих островах, т.е. в первую очередь это Швеция, Дания и Норвегия⁴. В силу исторических обстоятельств, культурной близости и прочих факторов со скандинавскими странами отождествляются также Исландия и — хотя это и спорное утверждение — Финляндия. Впрочем, если использовать термин «североевропейские страны», то вопросы и сомнения в отношении Финляндии отпадают.

В рамках данного исследования видится целесообразным остановиться на трех «основных» скандинавских странах и Финляндии, к опыту которой интересно обратиться уже потому, что это государство в определенный период своей истории существенно изменило пенитенциарную политику и сравнялось по качественным и количественным показателям уголовно-исполнительной системы с более развитыми на тот момент Швецией, Данией и Норвегией.

Скандинавские страны выделяются на фоне большинства других европейских государств последовательностью и мягкостью уголовной политики, вследствие чего на протяжении десятилетий (примерно с середины XX в. по начало XXI в.) доля заключенных в составе населения этих стран оставалась небольшой и составляла от 40 до 60 человек на 100 тысяч жителей. Финляндия долгое время не соответствовала этим параметрам — в начале 1950-х гг. на 100 тысяч жителей здесь приходилось около 200 заключенных и еще в 1970-х гг. по данному показателю Финляндия была одним из «лидеров» среди стран Северной и даже Западной Европы. Однако уже к началу 1990-х гг. Финляндия успешно сократила собственное «тюремное население» до средних для североевропейского региона значений (Lappi-Seppälä, 2012:461).

Финляндия ставила перед собой задачу минимизировать «страдания» и вред от преступлений и реализации мер по противодействию ей (к числу которых относится и уголовное наказание), а также сократить соответствующие издержки. При этом подчеркивалось, что у государства нет задачи сокращения преступности любой ценой — вред от преступлений соотносился с расходами на борьбу с ними в целях обеспечения приемлемого и справедливого баланса, отвечающего целям общесоциальной политики Финляндии (Lahti, 2000:146).

В целом, поставленная задача была достигнута, причем эффективность финской уголовной политики не снизилась и не спровоцировала избыточный рост преступности. В североевропейских странах число преступлений на 100 тысяч жителей практически неизменно росло с 1950 по 2000 г., и Финляндия здесь не была исключением. В то же время резкое сокращение числа заключенных в финских тюрьмах не привело к скачку преступности — изменение уровня преступности находилось в пределах общих региональных тенденций, т.е. уровень преступности и доля заключенных в составе населения конкретного государства в достаточной степени независимы друг от друга (Lappi-Seppälä, 2012:467—468).

⁴ Скандинавия // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2017). Режим доступа: <https://bigenc.ru/geography/text/3667592> (дата обращения: 10.12.2021).

Деятельность уголовно-исполнительных систем североευропейских стран характеризуется направленностью на благополучное возвращение осужденных в общество после отбытия наказания, т.е. на их реинтеграцию. При этом пенитенциарная политика государств региона рассматривается в качестве яркого примера демонстративного отхода от агрессивной стратегии противодействия преступности («*war on crime*» или «*tough on crime*»), традиционно распространенной в Соединенных Штатах и некоторых других странах, к стратегии сокращения вреда и здесь следует подчеркнуть еще раз, что под «вредом» в данном случае понимается не только ущерб от преступлений, но и расходы общества на борьбу с ними. В соответствии с этой стратегией уголовная и уголовно-исполнительная политика североευропейских государств отличается мягкостью и гуманизмом, в том числе и в выборе средств и методов воздействия на осужденных (Terlyashin, 2020:84—85).

Ключевым аспектом уголовной политики североευропейских стран и, в частности, Финляндии является легитимность — граждане должны верить в систему уголовной репрессии и считать ее законной (принимать ее). Для этого требуется система, которая обеспечивает адекватную защиту от социально нежелательных действий (т.е. российский критерий «общественной опасности» преступления в скандинавском или финском контекстах интерпретируется как «порицаемость обществом»), не вступая в противоречие с бытующими в обществе представлениями о гуманности и справедливости (Lahti, 2000:149). В свою очередь, эти представления, а равно и социальные ценности, признаваемые населением рассматриваемых стран, характеризуются чувством «скандинавской исключительности», одной из основ которого, помимо высокого уровня жизни, историко-культурной общности и прочих факторов, является стремление к абсолютному равенству (фактически — широкое восприятие обществом идеологии эгалитаризма (Pratt, 2008a:120)). В начале 2010-х годов отмечалось, что уровень преступности в Скандинавии ниже, чем в других европейских странах, а население стран региона не испытывало острого страха перед преступностью, в целом было довольно работой правоохранительных органов, не видело необходимости в ужесточении мер противодействия преступности, а наказание в виде лишения свободы считало крайней мерой, применение которой следует ограничить (Hofer, 2003:188).

В этих условиях пенитенциарная политика североευропейских стран ориентирована на применение наказаний, альтернативных лишению свободы, и сокращение случаев назначения последнего. Назначение виновному лишения свободы требует совершения тяжкого преступления и признания его (лица) высокой общественной опасности, вследствие чего, например, в Финляндии реальное лишение свободы назначается лишь в 12 % приговоров, причем практически все осужденные впоследствии освобождаются условно-досрочно (некоторые из них получают такое право после отбытия всего двух недель). Кроме того, исправительные учреждения в скандинавских странах и Финляндии характеризуются открытостью для правозащитных организаций и местных жителей, что делает возможным широкое применение институтов патроната и общественного контроля. Осужденные привлекаются к труду (в основном — ремесленному), участвуют в разнообразных образовательных, просветительских и

психологических программах, разрабатываемых в соответствии с индивидуальными планами отбывания наказания (Teplyashin, 2019:218—221).

Таким образом, для североевропейских уголовно-исполнительных систем типично стремление к минимизации применения лишения свободы и сокращению уголовной репрессии в целом, а также к обеспечению легитимности назначения и исполнения наказаний и их поддержки обществом. В частности, в § 5—6 главы 1 Закона Швеции от 10.06.2010 № 610 «О тюрьмах» подчеркивается, что применение наказания должно осуществляться на основе индивидуальных планов отбывания наказания, которые разрабатываются для каждого осужденного после консультаций с ним, а меры принуждения и контроля (в том числе во время заключения) должны быть оправданы задачами наказания, причем чем меньше будет степень принуждения («вмешательства»; *ingripande åtgärd*), тем лучше.

Регламентация труда заключенных и его место среди других «средств исправления» в скандинавских странах

Важной и характерной особенностью скандинавской модели организации труда заключенных при отбывании ими лишения свободы является факультативность этого труда — он может стать для них обязательным, но только в определенных условиях. В некоторых случаях привлечение осужденного к труду не будет иметь для него никакого созидательного значения и, как бы признавая это обстоятельство, законодатели скандинавских стран сосредоточились на занятости осужденных, имеющих обязанность принимать участие в той или иной общественно полезной и допущенной компетентными органами деятельности (т.е. быть занятым вообще чем-либо, а не обязательно работой).

Помимо труда в деятельности уголовно-исполнительных систем скандинавских стран широко представлены и другие формы организации занятости осужденных, выступающие в качестве средств воздействия на них в целях противодействия рецидиву преступлений. Среди них могут быть выделены обучение (различных уровней — от начального до высшего; администрации исправительных учреждений поощряют интерес заключенных к получению образования, предоставляя им возможность посещать школы или учиться в учебных заведениях дистанционно (Rezharova, 2021:49—50)), участие в программах преодоления зависимостей (а существенная часть заключенных в исправительных учреждениях является наркозависимыми, в связи с чем им предлагается пройти курс лечения и реабилитации (Goldina & Yutyaeva, 2016:134—135)), а также иных, в том числе специальных программ. В качестве примера специальной программы можно привести практику, внедренную в Дании и направленную на оказание заключенным помощи в трудоустройстве после освобождения. При условии приемлемых показателей труда (которые должны подтверждать способность заключенных осуществлять приносящую доход профессиональную деятельность) и надлежащего поведения, бывшие заключенные могут получить работу на предприятиях государственного сектора экономики (Rezharova, 2020:60).

Отдельно следует выделить также воспитательные программы, направленные на дерадикализацию заключенных, имеющих отношение или проявляющих склонность к экстремистской деятельности (политически либо религиозно

мотивированной). Эти программы состоят в комплексной работе с заключенными, сочетающей контроль за их поведением со стороны администраций исправительных учреждений (включая контроль любых контактов с «внешним миром») и общественное воздействие, осуществляемое различными неправительственными организациями (Yavorskii, 2017:44—46).

Что касается труда, то в соответствии с Законом Швеции «О тюрьмах» заключенным должна быть предоставлена возможность иметь занятие в виде работы, обучения, прохождения специализированных программ преодоления зависимостей или других форм деятельности, причем выбранный заключенным и в итоге утвержденный администрацией вид занятости становится для него обязательным (§ 1—2, глава 3).

Практически идентичным образом соответствующий порядок регулируется и в датском законодательстве. Так, в ст. 38 Закона Дании от 09.12.2019 № 1333 «Об исполнении наказаний» закрепляется «право и обязанность» заключенных быть занятыми посредством участия в работе, обучении и «других разрешенных занятиях»⁵, т.е. заключенным предоставляется право выбрать тот или иной обязательный для себя вид деятельности.

В свою очередь в норвежском законодательстве и вовсе нет прямого указания на обязанность заключенных трудиться даже в контексте возможности выбора альтернативных занятий. В ст. 18 Закона Норвегии от 18.05.2001 № 21 «Об исполнении наказаний» определено, что Норвежская служба исполнения наказаний обеспечивает заключенным возможность работать, проходить обучение или принимать участие в различных программах в дневное время, т.е. им предлагается выбрать себе занятие, причем компетентные службы стараются заинтересовать их в этом, а не принуждать к определенной форме занятости⁶. Однако если осужденный отказывается принимать участие в обучении или других программах он может (именно «может», а не «должен быть») быть привлечен к труду императивно (ст. 3.12 Правил исполнения наказаний, утв. приказом Министерства юстиции и общественной безопасности от 22.02.2002 № 183)⁷.

Другим важным аспектом труда заключенных является его оплата. При условии возмездности труд, по понятным причинам, становится более привлекательным для человека, и тем выше будет заинтересованность трудящегося в выполняемой им работе, чем выше и справедливее будет причитающееся ему вознаграждение. Это справедливо и в отношении заключенных, для которых оплата труда является не только стимулом работать и фактором формирования осознания возможности получать доход законным путем после освобождения, но также источником обеспечения достойных условий жизни в исправительном учреждении и исполнения возложенных на них обязательств (перед потерпевшими, государством и проч.).

⁵ Straffuldbyrdelsesloven, LBK nr 1333 af 09/12/2019. Retsinformation. Режим доступа: <https://www.retsinformation.dk/eli/Ita/2019/1333> (дата обращения: 13.12.2021).

⁶ Act of 18.05.2001 No. 21 relating to the execution of sentences etc. (The Execution of Sentences Act). The Lovdata Foundation. Режим доступа: <https://lovdata.no/dokument/NLE/lov/2001-05-18-21> (дата обращения: 10.12.2021).

⁷ Regulations of 22.02.2002 No. 183 relating to the Execution of Sentences. The Lovdata Foundation. Режим доступа: <https://lovdata.no/dokument/SFE/forskrift/2002-02-22-183> (дата обращения: 10.12.2021).

В Швеции Службой тюрем и пробации (*Kriminalvården*) заключенным выплачивается компенсация за занятость (работу, прохождение обучения или участие в исправительных программах), если только они не получают вознаграждение или компенсацию от других субъектов (работодателя вне исправительного учреждения и проч.). Компенсация (*ersättning*; при буквальном переводе со шведского это не «пособие» или «вознаграждение», а именно «компенсация») выплачивается на специально заводимые для заключенных счета, средства с которых могут быть использованы для приобретения любых не изъятых из оборота товаров и продуктов.

При этом десятая часть причитающейся осужденному компенсации удерживается Службой тюрем и пробации на его счете для покрытия последующих расходов, связанных с его освобождением и возвращением к месту жительства, но в некоторых случаях осужденному может быть предоставлено право потратить удержанные средства на иные цели (§ 3—4, глава 3 Закона Швеции «О тюрьмах»). В § 5 главы 3 Закона Швеции «О тюрьмах» отдельно оговаривается также и то, что при намеренном повреждении или уничтожении заключенным имущества, принадлежащего Службе тюрем и пробации, последняя может возместить причиненный ущерб из средств, содержащихся на его счете.

В Дании всем заключенным (т.е. осужденным, отбывающим наказание в виде лишения свободы, а также лицам, содержащимся в предварительном заключении) выплачивается почасовое вознаграждение за занятость, которая может выражаться, что является типичным для скандинавских уголовно-исполнительных систем, не только в работе. Кроме того, вознаграждение должно выплачиваться также и тем заключенным, которые по той или иной причине не были обеспечены работой либо возможностью принимать участие в других разрешенных занятиях, освобождены от «обязательной занятости» приказом министра юстиции (например, по некоему признаку отнесены к льготной категории осужденных) или не способны осуществлять обязательные для них виды деятельности по причине болезни. Большую часть средств заключенный получает ежемесячно и может расходовать на личные нужды или иные (разумеется, законные) цели. Меньшая часть в размере 15 % от причитающихся заключенному выплат удерживается Службой тюрем и пробации (*Kriminalforsorsomsrådet*), накапливается на заблокированном для доступа счете и выдается ему при освобождении, причем из сэкономленных таким образом средств покрываются транспортные и иные расходы, связанные с освобождением и возвращением заключенного из исправительного учреждения к месту жительства (ст. 42 Закона Дании «Об исполнении наказаний»).

Вознаграждение, выплачиваемое осужденным в датских исправительных учреждениях, состоит из нескольких частей, ставки по каждой из которых ежегодно уточняются Министерством юстиции (Указ от 12.02.2020 № 1807 «О ставках выплат для лиц, содержащихся в учреждениях Службы тюрем и пробации»⁸). Первая часть — базовая выплата, составляющая на 2021 г. 11,02 датские кроны в час, начисляется всем имеющим занятие лицам и некоторым другим

⁸ Bekendtgørelse om satser for vederlag m.v. til indsatte i kriminalforsorgens institutioner (2021), BEK nr 1807 af 02/12/2020. Retsinformation. Режим доступа: <https://www.retsinformation.dk/eli/lta/2020/1807> (дата обращения: 10.12.2021).

категориям заключенных, уже упоминавшимся ранее. После восьми недель занятости на одном месте (работе в мастерской, прохождении образовательной программы и проч.) к базовой выплате может быть добавлена надбавка за стабильность в размере 3,36 датских крон в час. Еще через восемь недель при условии успехов заключенного в осуществляемой им деятельности, а также наличия у него профессиональной подготовки (или ее приобретения вследствие прохождения обучения во время отбывания наказания) ему может быть предоставлена вторая надбавка — за особую компетентность, установленная в том же размере (3,36 датских крон в час). Кроме того, заключенные могут получать надбавку за сверхурочную или вредную работу (*ulempetillæg*; в целом, это надбавка «за неудобство»), которая составляет 5,78 датских крон в час, а также иные выплаты, включая пособия на бытовые нужды (осужденные самостоятельно обеспечивают себя питанием — на упомянутое пособие они приобретают продукты, которые впоследствии самостоятельно готовят (Khairullin & Yusupova, 2019:84—85)).

Нормальная продолжительность рабочей недели в Дании составляет тридцать семь часов⁹. При полной «выработке» заключенным положенного времени он, исходя из приведенных данных, может получать в неделю в среднем 407,74 датских крон одних только базовых выплат, а при условии наличия надбавок за стабильность и компетентность причитающаяся ему сумма достигнет 656,38 датских крон. Месячное жалование в «базовом» случае составит, соответственно, 1630,96 датских крон (около 19 тыс. рублей) и 2625,52 датских крон (около 30,7 тыс. рублей) при начислении надбавок (и это без учета пособия на бытовые нужды).

При этом осужденные, занятые на собственной работе (т.е. работе, найденной ими самостоятельно или оставшейся у них со времени до осуждения), обычно не получают вознаграждения от Службы тюрем и пробации. Это ограничение распространяется также на получателей пенсионных выплат и иных пособий, которые работают, обучаются или имеют иные занятия вне исправительного учреждения. Кроме того, Служба тюрем и пробации не выплачивает вознаграждение за участие в обычных (бытовых) работах, таких как уборка, садоводство и тому подобное, если осужденные, осуществляющие такие работы, имеют доход из иных источников или получают другие пособия от государства (ст. 6 Указа от 27.04.2021 № 746 «О трудоустройстве и пр. лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях»¹⁰).

В Норвегии весь доход от труда заключенных идет в государственную казну, однако это не означает, что этот труд не оплачивается. Заключенным полагаются ежедневные выплаты (если только они не привлекаются к работе безвозмездно по их собственному желанию в порядке замены штрафа или иного наказания; ст. 8.1 Правил исполнения наказаний), причем расчет соответствующих сумм не имеет прямой связи с результативностью их труда, а производится на основе порядка и критериев, разрабатываемых и ежегодно обновляемых

⁹ Vejledning om beregning af sygedagpenge, VEJ nr 9830 af 27/09/2019. Retsinformation. Режим доступа: <https://www.retsinformation.dk/eli/retsinfo/2019/9830> (дата обращения: 10.12.2021).

¹⁰ Bekendtgørelse om beskæftigelse m.v. af indsatte i kriminalforsorgens institutioner, BEK nr 746 af 27/04/2021. Retsinformation. Режим доступа: <https://www.retsinformation.dk/eli/lta/2021/746> (дата обращения: 10.12.2021).

норвежской Службой исполнения наказаний (ст. 3.13 Правил исполнения наказаний).

Как и в остальных скандинавских странах, заключенные в Норвегии получают выплаты вне зависимости от выбранного ими вида занятости. При этом норвежский законодатель использует термин «*dagpenger*», что означает буквально «пособие по безработице», поэтому такие выплаты уместно называть пособиями. Размер выплат может различаться исходя из успехов конкретного заключенного на избранном им поприще, соблюдения режима исполнения наказания и прочих обстоятельств. Средняя ставка пособия, выплачиваемого всем осужденным, которые работают, обучаются или участвуют в реализации исправительных программ, составляет около 300 норвежских крон (примерно 2,5 тыс. рублей) в неделю (Shammas, 2015:3).

Такой подход законодателя как бы принижает значение труда как средства исправления и основного способа обеспечить успешное возвращение заключенных в общество после освобождения, ведь в обычных (т.е. более распространенных в мировой практике) условиях заключенные получают вознаграждение только за свой труд. Впрочем, норвежское государство, как и остальные скандинавские страны, фактически выделило несколько средств исправления, которые сочло равными между собой во всех смыслах.

Действительно, если для успешного возвращения конкретного заключенного в общество и обеспечения его благополучия в будущем нет необходимости прививать ему какие-либо базовые профессиональные навыки (допустим, он и так их имеет), то едва ли нужно принуждать его к труду. Вместе с тем невыплата ему пособия за успехи в образовательной деятельности, участие в творческих, культурных или иных мероприятиях и исправительных программах или просто за хорошее поведение во время отбытия наказания может быть сочтена своеобразной дискриминацией.

Ежедневные выплаты, которые полагаются заключенным и накапливаются на их счетах, призваны обеспечить их повседневные нужды, стимулировать надлежащее поведение и, наконец, помочь им устроить жизнь после освобождения. Государство берет на себя, как может показаться, избыточные расходы, поскольку не предоставляет осужденному «работнику» часть принесенного им дохода, а гарантирует всем заключенным равную возможность получать пособие во время отбывания наказания. Это право остается также и за теми заключенными, неспособными работать или участвовать в других видах занятости по причине расстройства здоровья и/или временной утраты трудоспособности (ст. 3.13 Правил исполнения наказаний). Полностью лишены права на получение выплат только те заключенные, которые грубо нарушают условия отбывания наказания (например, отказываются от выполнения работы или участия в других видах занятости), но и в этом случае речь идет о лишении выплат на период, когда соответствующие нарушения имели место (ст. 40 Закона Норвегии «Об исполнении наказаний»).

Таким образом, Норвегия несет существенные издержки, чтобы достичь целей исправления и ресоциализации заключенных, и, если судить по уровню рецидива преступлений (сократившемуся с 60—70 % в 1990-х до примерно 20 % в 2014 г.) и прочим криминологическим показателям, достигла в этом

значительных успехов. При высоком уровне экономического развития Норвегии и в целом-то небольшом числе заключенных (по данным на апрель 2021 г. в Норвегии было всего 54 осужденных и задержанных на 100 тысяч жителей¹¹), эти издержки не так уж велики, тем более что такая, казалось бы, излишне затратная уголовно-исполнительная политика в итоге приносит и общеэкономическую пользу — из числа лиц, которые на момент осуждения были безработными, около 40 % успешно трудоустраивается после отбытия наказания, что становится возможным, в том числе, благодаря полученному ими во время заключения образованию, пройденному профессиональному обучению и другим программам¹².

В целом, организация оплаты труда осужденных в рассмотренных скандинавских странах является схожей и типичной для североевропейского региона. Интересно, что скандинавский пенитенциарный опыт привлекателен не только для исследователей, но и для зарубежных законодателей. Так, например, в американской Северной Дакоте в 2019 г. начался эксперимент, направленный на заимствование опыта Норвегии по организации исправительных учреждений, призванный заменить в некотором смысле дискредитировавший себя «строгий» подход к исполнению наказаний, традиционно реализуемый в США¹³.

Заключение

Одной из основных причин, обуславливающих совершение преступления, является то обстоятельство, что существенная доля преступников (это касается, помимо прочего, лиц, виновных в совершении насильственных и части хулиганских преступлений) преступает закон в силу своей отчужденности от «нормального» общества, его основ и принципов существования. Наказание, как представляется, может способствовать преодолению этой отчужденности, однако для этого оно (точнее — процесс его исполнения) должно обеспечивать сохранение и восстановление или (когда нечего сохранять и восстанавливать) формирование причастности осужденного к законопослушной жизни, что невозможно без гуманизации процесса исполнения наказания (Antonyan & Eminov, 2014:241).

Российская уголовно-исполнительная система далеко не всегда позволяет считать труд средством «созидательного воздействия» на осужденных. Часто он и вовсе становится способом усиления ответственности, ужесточения условий отбывания наказания, который применяется администрациями отдельных исправительных учреждений в отношении «неудобных» осужденных. Яркими примерами этого могут быть ситуации, когда для исправления конкретного осужденного применение данного средства объективно не требуется — осужденный и так имеет навыки труда и социального взаимодействия, образование, доход и проч., т.е. труд не сможет помочь ему вернуться в социум после освобождения. Такой осужденный и так скорее всего с этим нормально справится, а из всех средств

¹¹ Norway. World Prison Brief. Режим доступа: <https://www.prisonstudies.org/country/>(дата обращения: 15.12.2021).

¹² Dorjsuren B. Norway's prison system benefits its economy. The Borgen Project, 06.11.2020. Режим доступа: <https://borgenproject.org/norways-prison-system/> (дата обращения: 15.12.2021).

¹³ Janzer C. North Dakota Reforms its Prisons, Norwegian Style. U.S. News, 22.02.2019. Режим доступа: <https://www.usnews.com/news/best-states/articles/2019-02-22/inspired-by-norways-approach-north-dakota-reforms-its-prisons> (дата обращения: 15.12.2021).

исправления к нему следовало бы применять разве что режим (который в большинстве случаев является базовым элементом процесса исполнения наказания и фактически реализуется при исполнении любого наказания (Tkachevskiy, 2006:73—74)) и воспитательное воздействие.

В свою очередь опыт скандинавских стран и Финляндии представляет собой отличный пример гуманизации уголовно-исполнительной системы и адекватного (целесообразного и обоснованного) применения средств воздействия на заключенных. И следует отметить, что скандинавская модель не так затратна, как это может показаться на первый взгляд — уголовно-исполнительные системы североевропейских стран имеют скромные масштабы, в связи с чем их содержание требует приемлемых расходов (мягкость уголовной ответственности приводит к сокращению издержек на ее реализацию), тем более налогоплательщики понимают, за что они платят.

Однако на пути имплементации этого опыта в российскую (а равно и любую другую) действительность стоит, возможно, совершенно непреодолимое препятствие. Рецепция скандинавской модели организации уголовно-исполнительных систем потребовала бы не только кардинального пересмотра задач и содержания уголовного наказания (и не формально, в чем, в сущности, и так нет проблемы, а фактически), но также социальной политики государства в целом. Даже в других странах Европы скандинавский подход к уголовной репрессии с учетом их нескандинавских условий (здесь представляется возможным еще раз упомянуть «скандинавскую исключительность», под которой следует понимать не какие-то шовинистические воззрения, а всего лишь повышенный уровень счастья среди жителей, обусловленный исключительными условиями жизни и особенностями социокультурного развития¹⁴) едва ли был бы принят обществом и, вероятно, привел бы к повышению расходов — не на содержание уголовно-исполнительных систем, а за счет ущерба от преступности. Ранее уже отмечалось (Lappi-Seppälä, 2012:467-468), что прямая связь между снижением строгости уголовной политики и ростом преступности прослеживается далеко не всегда, но, впрочем, это может касаться как раз исключительно североевропейских стран, тогда как в менее благоприятных условиях и при не столь развитой сознательности населения ослабление правоохранительной системы с высокой степенью вероятности (точнее — практически неизбежно) привело бы к росту преступности. Так или иначе, даже если скандинавская модель организации исполнения наказаний никогда не будет полноценно «экспортирована» за пределы границ Северной Европы (Pratt, 2008b:289-290), отдельные ее аспекты могут быть учтены, в том числе и российским законодателем, уже сейчас.

References / Список литературы

Antonyan, Yu.M. & Eminov, V.E. (2014) *Crime and Punishment. Criminal Psychological Analysis*. Moscow, Norma, INFRA-M Publ. (in Russian).

---

¹⁴ Martela F., Greve B., Rothstein B. & Saari J. The Nordic Exceptionalism: What Explains Why the Nordic Countries Are Constantly Among the Happiest in the World. World Happiness Report 2020. Режим доступа: <https://worldhappiness.report/ed/2020/the-nordic-exceptionalism-what-explains-why-the-nordic-countries-are-constantly-among-the-happiest-in-the-world/> [Accessed 18th December 2021].

- Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Преступление и наказание. Криминолого-психологически анализ: монография. М.: Норма: ИНФРА-М. 304 с.
- Denisovich, V.V. (2014) Criminology of criminal subculture. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 20 (349), 62—65. (in Russian).
- Денисович В.В. Криминологическое значение криминальной субкультуры // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 20 (349). С. 62—65.
- Gamanenko, L.I. & Kuznetsov, V.I. (2015) Vocational education in places of confinement as a means of convicts' resocialization and their social adaptation after release. *Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2 (28), 125—132. (in Russian).
- Гаманенко Л.И. Кузнецов В.И. Профессиональное образование в местах лишения свободы как средство ресоциализации осужденных и их социальной адаптации после освобождения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 2 (28). С. 125—132.
- Goldina, E.V. & Yutyaeva, L.E. (2016) The experience of Scandinavian countries in rehabilitation of convicts. *Bulletin of the Samara law institute*. 3 (21), 134—136. (in Russian).
- Голдина Е.В., Ютяева Л.Е. Опыт скандинавских стран по реабилитации наркозависимых осужденных // Вестник Самарского юридического института. 2016. № 3 (21). С. 134—136.
- Hofer, H. von (2003) Brott och straff i skandinavien. En överblick [Crime and Punishment in Scandinavia. An Overview]. *Nordisk Tidsskrift for Kriminalvidenskab*. 90 (3), 178—191. (in Swedish).
- Khairullin, V.I. & Yusupova, Z.A. (2019) On the penitentiary experience of Scandinavian countries. *Eurasian advocacy*. 1 (38), 82—85. (in Russian).
- Хайруллин В.И., Юсупова З.А. Из пенитенциарного опыта скандинавских стран // Евразийская адвокатура. 2019. № 1 (38). С. 82—85.
- Lappi-Seppälä, T. (2012) Explaining National Differences in the Use of Imprisonment. *The Journal of Social Policy Studies*. 4 (10), 457—484. (in Russian).
- Ланну-Сеннала Т. Доверие, всеобщее благосостояние и политическая экономия: национальные различия в использовании тюремного заключения // Журнал исследований социальной политики. 2012. № 4 (10). С. 457—484.
- Lahti, R. (2000) Towards a rational and humane criminal policy? Trends in scandinavian penal thinking. *Journal of Scandinavian Studies in Criminology and Crime Prevention*. 1 (2), 141—155.
- Pratt, J. (2008a) Scandinavian exceptionalism in an era of penal excess. Part I: the nature and roots of Scandinavian exceptionalism. *The British Journal of Criminology*. 2 (48), 119—137.
- Pratt, J. (2008b) Scandinavian exceptionalism in an era of penal excess. Part II: does Scandinavian exceptionalism have a future. *The British Journal of Criminology*. 3 (48), 275—292.
- Raskevich, A.A. (2010) Labor as the mean of offenders' rehabilitation: penitentiary problems. *Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2 (46), 77—84. (in Russian).
- Раскевич А.А. Общественно-полезный труд как средство исправления осужденных: пенитенциарные проблемы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2010. № 2. С. 77—84.
- Rezharova, I.M. (2020) Education for convicted prisoners abroad. *Teoriya i praktika sociogumanitarnyh nauk [Theory and practice of socio-humanitarian studies]*, 20. 1 (9), 56—62. (in Russian).
- Режапова И.М. Образование для заключенных за рубежом // Теория и практика социогуманитарных наук. 2020. № 1 (9). С. 56—62.
- Rezharova, I.M. (2021) The role of penitentiary education in the subsequent resocialization of convicted persons (foreign experience). *Teoriya i praktika sociogumanitarnyh nauk [Theory and practice of socio-humanitarian studies]*, 1 (13), 47—52. (in Russian).
- Режапова И.М. Роль пенитенциарного образования в последующей ресоциализации осужденных (опыт зарубежных стран) // Теория и практика социогуманитарных наук. 2021. № 1 (13). С. 47—52.

- Seliverstov, V.I. (2016) Criminal and criminal enforcement policy in sphere of enforcement of imprisonment: novations in 2015. *Lex Russica*. 9 (118), 188—204. (in Russian).
Селиверстов В.И. Уголовная и уголовно-исполнительная политика в сфере исполнения лишения свободы: новации 2015 года // *Lex Russica*. 2016. № 9 (118). С. 188—204.
- Shammas, V.L. (2015) A prison without walls: Alternative incarceration in the late age of social democracy. *Prison Service Journal*. 217, 3—9.
- Smykalin, A.S. (1998) *Penitentiary system of the Soviet Russia in 1917 — early 60th: historical-legal research. Author. of dis. ... doctor of legal sciences*. Ekaterinburg. (in Russian).
Смыкалин А.С. Пенитенциарная система Советской России 1917 — начала 60-х гг.: Историко-юридическое исследование: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1998. 43 с.
- Teplyashin, P.V. (2020) *Neoliberal development of penitentiary systems. Monograph*. Moscow, Yurlitinform Publ. (in Russian).
Тепляшин П.В. Неолиберальное развитие пенитенциарных систем: монография. М.: Юрлитинформ, 2020. 144 с.
- Teplyashin, P.V. (2019) *European penitentiary systems (theoretical and applied and comparative and legal study). Dis. ... doctor of legal sciences*. Krasnoyarsk. (in Russian).
Тепляшин П.В. Европейские пенитенциарные системы (теоретико-прикладное и сравнительно-правовое исследование): дисс. ... д-ра юрид. наук. Красноярск, 2019. 496 с.
- Tkachevskiy, Yu.M. (2006) Regime of serving and executing an imprisonment sentence. *Legislation*. 2, 73—81. (in Russian).
Ткачевский Ю.М. Режим отбывания и исполнения наказания в виде лишения свободы // Законодательство. 2006. № 2. С. 73—81.
- Utkin, V.A. (2015) On legal regulation of the labour of convicts in correctional institutions of the Russian Federation. *Russian Journal of Criminal Law*. 2 (6), 81—88. (in Russian).
Уткин В.А. Проблемы правового регулирования труда осужденных в исправительных учреждениях Российской Федерации // Уголовная юстиция. 2015. № 2 (6). С. 81—88.
- Voronov, A.M. (2021) Legal opposition to the criminal subculture as a threat to the national security of modern Russia. *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 5, 67—72. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-5-67-72> (in Russian).
Воронов А.М. Правовое противодействие криминальной субкультуре как угрозе национальной безопасности современной России // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 5. С. 67—72. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-5-67-72>
- Yavorskii, M.A. (2017) Deradicalization of Prisoners in the Prisons of Nordic Countries. *Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia*. 3 (7), 43—50. (in Russian).
Яворский М.А. Дерадикализация заключенных в тюрьмах стран скандинавии // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 3 (29). С. 43—50.

About the author:

Denis A. Dobryakov — Candidate of Legal Sciences (PhD), Senior Lecturer of the Department of Judicial Power, Law-Enforcement and Human Rights Activities, Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia Federation

ORCID ID: 0000-0002-2384-8659; SPIN-code: 7147-4646

e-mail: den-dobryakov@yandex.ru

Сведения об авторе:

Добряков Денис Андреевич — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности, Юридический институт, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID ID: 0000-0002-2384-8659; SPIN-код: 7147-4646

e-mail: den-dobryakov@yandex.ru